

Раздел 3. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

УДК 81'362=112.2=161.1

Драганова Г. В.

КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ПЛАНЕ

У статті зіставляються способи вираження відношень стану у двох контактуючих мовах – німецької і російської, з метою прогнозування евентуальних зон виникнення помилок, зумовлених дією інтерференції.

Ключові слова: *лингвистика, відношення стану, інтерференція, психолінгвістична природа помилок в мовленні, зіставлення.*

В статье сопоставляются способы выражения залоговых отношений в двух контактирующих языках – немецком и русском, в целях прогнозирования эвентуальных зон появления ошибок, обусловленных действием интерференции.

Ключевые слова: *лингвистика, залоговые отношения, интерференция, психолингвистическая природа ошибок в речи, сопоставление.*

The article contraposes ways of expressing voice relation in two contacted languages – German and Russian, aiming conditioned upon interference action.

Key words: *linguistic, voice relation, interference, psycholinguistic nature of mistakes in speech, contraposing.*

Постановка проблемы. Обучающиеся с родным языком – русским весьма своеобразно владеют немецким пассивом: они либо игнорируют его, в ущерб смыслу сообщения, либо перенасыщают им свою речь, что придает ей несвойственное немецкому языку звучание, либо переносят автоматически правила формообразования страдательных конструкций в русском на пассивные в немецком языке, результат чего – грубые грамматические ошибки как в речепродукции, так и в речевосприятии. Причины их появления вскрываются в ходе сопоставительного анализа способов выражения залоговых отношений в каждом из вступающих в контакт языков, который сопровождается интерференцией, обуславливающая появление ошибок. Проблема – соотнести лингвистические данные о категории залога в двух языках с психолингвистическим знанием об интерференции и поставить их на службу практическим целям овладения грамматически корректной речи на изучаемом иностранном языке.

Анализ литературы. Вопросам описания немецкого пассива посвящено немало научных исследований как отечественных (Е. И. Шендельс, О. И. Москальская, В. Г. Адмони и др.), так и зарубежных (G. Helbig, J. Buscha, W. Jung, G. Griesbach, D. Schulz и др.) лингвистов-германистов. Все они формируют **знания** о немецком пассиве, но не соотносят их с объективными трудностями формирования у обучающихся **навыков и умений** корректного пользо-

вания пассивом в речевой деятельности на немецком языке, которые возникают вследствие активизации действия интерференции, под которой психолингвистика понимает нарушение нормы второго языка при контакте двух языков. Это явление, достаточно глубоко исследованное (Л. М. Уман, В. Ю. Розенцвейг, J. Juhasz и др.), остается и поныне в ранге теории, хотя, по логике вещей, и **психолингвистические знания о сути процесса овладения иностранным языком** должны быть поставлены на службу **практике в нем**.

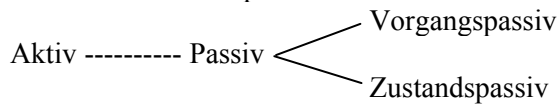
Основополагающими трудами в области исследуемой проблемы, на наш взгляд, являются: в русистике – «Грамматика современного русского литературного языка» под ред. Н. Ю. Шведовой [1], в германистике – «Deutsche Grammatik» Е. Шендельса [2], в психолингвистике – Jukash J. «Probleme der Interferenz» [3]. Эти работы во многом способствовали появлению в немецком журнале «Deutsch als Fremdsprache» нашей статьи «Ein Überblick über die Genera im Deutschen und Russischen unter dem Aspekt der Konfrontation» [4].

Цель статьи – провести сравнительный анализ способов выражения залоговых отношений в двух языках и на его основе объяснить причины появления у обучающихся грамматических, стилистических, логических ошибок при использовании ими в речи на немецком языке пассивных форм и конструкций, связав это с появлением интерференции, эвентуальные зоны

действия которой реально прогнозируемы и, следовательно, подконтрольны обучающимся.

Изложение основного материала. Долгое время исследователи интересовали главным образом вопросы семантики пассива. В наши дни вопросы его трактовки тесно связываются с проблемами культуры речи и стиля, с корректностью и нормативностью речи.

За рабочую формулу залоговой оппозиции в немецком языке мы принимаем:

Ее члены противопоставлены друг другу по признакам направления процесса: центробежность (Aktiv) – центростремительность (Vorgangspassiv) – отсутствие его направления (Zustandspassiv) и по характеру субъекта: активность (Aktiv) – аффицированность (Vorgangspassiv) – инактивность (Zustandspassiv).

Выражая одни и те же отношения между действием, объектом действия и его производителем, актив и пассив представляют их в разных грамматических ракурсах: активная конструкция показывает подлежащее как носителя действия, пассивная же выдвигает на первый план объект действия, формально выполняющий функцию подлежащего, благодаря чему именно производимое действие оказывается в центре высказывания.

Причины, предопределяющие речевую реализацию одного из залогов предпочтительно другому – потребность неназывания деятеля, лексическое содержание глагола, взаимодействие коммуникативных, структурно-синтаксических и стилистических факторов, которые объясняют причину широкой распространённости пассивных форм в немецком языке, напр.: «...*ein neuer Schmetterling wurde der Menschheit geschenkt*» (H. Jobst. Der Findling, S. 62); «*An jenem Morgen in diesem Sommer wurde Walter aus dem Bett heraus verhaftet*» (W. Bredel. Die Söhne. S. 95); «*Das Kind trinkt, wird in seine Krippe gelegt und schläft erst dann ein*» (H. Fallada. Kleiner Mann, was nun? S. 272).

В области залоговых отношений семантически выделяются две перекрещивающиеся друг с другом сферы: активность – пассивность и транзитивность – интранзитивность. Первая, отражая грамматические отношения сказуемого с субъектом, рассматривается в рамках категории залога, вторая же, затрагивая отношения сказуемого с объектом, находится в зоне категории переходности. Так, в предложениях: *Ich fülle eine Flasche mit Wasser* → *Eine Flasche wird (von mir) mit Wasser gefüllt* речь идет об одном и том же действии, рассматриваемом под различным уг-

лом зрения. Здесь можно говорить либо о стилистической, либо о коммуникативной обусловленности употребления залога в каждом из названных предложений, в то время как в предложениях: *Ich schließe die Tür* → *Die Tür wird geschlossen* налицо два действия, тесно связанных друг с другом, поскольку они – моменты одной ситуации: предложение с интранзитивным глаголом сообщает о том, что делает объект предложения с транзитивным глаголом.

Транзитивные глаголы обладают гибкими синтаксическими свойствами, позволяющими им вступать в форме пассива в новые связи как с субъектом, так и с объектом действия. В силу этого глагол-сказуемое пассивной конструкции имеет различное соотношение обязательных и факультативных свободных мест: в активе производитель действия стоит в номинативе и является тем самым обязательным партнером глагола, упоминание же его в пассивном предложении необязательно, т. к., оформляясь предложной группой с *von*, *durch* или *mit*, он становится факультативным актантом, напр.: *Die Großmutter bügelt die Wäsche.* → *Die Wäsche wird (von der Mutter) gebügelt.* *Der Sturm verschlug mich nach einer Insel.* → *Ich wurde (durch den Sturm) nach einer Insel verschlagen.*

Число структурных компонентов пассивной формы и количество реализованных валентных связей транзитивного глагола изменяются в зависимости от цели сообщения. При трансформации активной формы в пассивную происходит изменение не количества обязательных валентностей глагола-сказуемого, а их качества. Так, если глагол в активе имеет две обязательные валентности – на субъект действия (подлежащее) и на его объект (прямое дополнение), – то при трансформации предложения в пассив количество обязательных валентностей остаётся неизменным, однако любая факультативная валентность глагола в активе может стать обязательной в пассиве. Следствием перехода от факультативной к обязательной валентности является увеличение информационной нагрузки на имя, реализующее данную валентность. Таким образом, пассив дает возможность: 1) уводить из центра на периферию или вообще из предложения лексическую информацию о субъекте действия; 2) переводить с периферии в центр лексическую информацию о каком-либо другом объекте действия.

В системе русского языка нет категории, полностью соответствующей немецкому пассиву. Различия между немецким и русским языком в плане реализации залоговых отношений заключаются, во-первых, в способе формообразования залоговых структур, во-вторых, в степени

частотности их использования носителями обоих языков в различных сферах речевого общения. Эквивалентных форм выражения пассивности в немецком и страдательности в русском языке не существует, поскольку оба языка развивались по своим специфическим законам, в результате чего одни и те же реальные отношения объективной действительности оформились в них разными языковыми средствами. Сходство же совокупности конкретных значений пассивных форм в обоих языках – центробежность процесса, выдвигание на передний план самого действия, его направленность на конкретный субъект, необязательность названия собственно производителя действия являются причиной отрицательного переноса способов и возможностей выражения залоговых отношений из родного в иностранный язык. К примеру, факт неодинаковости количества конкретных значений, составляющих категорию залога в сопоставляемых языках (напр., соответствие русского *был построен* двум немецким формам: *wurde gebaut* и *wag gebaut*) объективно создает самые благоприятные условия для появления и активного действия межъязыковой интерференции, к которой присоединяется еще и другой вид интерференции – внутриязыковая.

В сравнении с немецким, русский язык проявляет большие своеобразия в выражении страдательного значения, поскольку в нем нет таких последовательных отношений между залоговыми формами и значениями, какие присущи другим глагольным категориям – лица, времени, вида, наклонения.

Так, русские глаголы не имеют особой системы залоговых флексий; морфема *-ся* характеризуется многозначностью; функции, выполняемые возвратными глаголами, различны вследствие связи глаголов на *-ся* как с грамматической, так и с лексической системами языка: грамматическим средством выражения страдательности являются падежное управление (синтаксическое средство) и морфема *-ся* (морфологическое средство).

Именно по этой причине в науке о русском языке нет общепринятой точки зрения на залоговые конструкции. В понятие «залог» вкладывалось и вкладывается крайне разнообразное и противоречивое лексико-грамматическое содержание. Залог в русском языке определяется как лексико-грамматическая или классификационная категория, выражающая отношение действия к субъекту в определенной системе оппозиций. В зависимости от направленности действия различаются два залога – действительный и страдательный. Формально оппозиция этих залогов выражается в соотношении возвратных и невозвратных форм одного

и того же глагола, напр.: *работа выполняется студентами* – *студенты выполняют работу*. Причем, глагол в страдательном залоге с морфемой *-ся* является семантически и формально отмеченным членом оппозиции, что же касается соотносимого с ним члена оппозиции – глагола без *-ся*, – то он называется формально слабо отмеченным.

Русский язык тесно связывает действие с видом (совершенный и несовершенный), вследствие чего в нем существуют два способа образования страдательного залога:

1. Переходные глаголы несовершенного вида образуют страдательный залог путём прибавления к своей основе морфемы *-ся*, напр.: *здание строится, книга читается, бельё гладится*. Совершенно очевидно, что залог может быть с этой позиции обозначен как лексико-грамматическая категория.

2. Для переходных глаголов совершенного вида формой страдательного залога является краткое страдательное причастие прошедшего времени с суффиксами *-м, -н, -нн, -т*, которое стоит зачастую с глаголом-связкой *быть*, напр.: *она была любима всеми; задача (была) решена верно; составленная бухгалтером смета; все магазины были уже закрыты*. В этом случае залог является категорией собственно грамматической, причем, словоизменительного типа.

Совершенно очевидно, что одним из объективно существующих источников ошибок в формообразовании, понимании природы пассива и его употреблении в речи является перенос значения категорий вида, возвратности из русского языка в немецкий.

По составу своих форм пассив действия классифицируется по числу основных членов предложения: одночленная пассивная конструкция – *Es wird gesammelt* (безличный пассив); двучленная пассивная конструкция – *Der Roman wurde in viele europäische Sprachen übersetzt* (личный пассив без указания агенса); трехчленная пассивная конструкция – *Der 2. Weltkrieg wurde von den Faschisten entfesselt* (личный пассив с указанием агенса).

Особую сложность для изучающих немецкий язык представляет собой одночленная пассивная конструкция. Существует мнение, что сочетание «*werden + Partizip II*» в безличных предложениях связано с пассивом только формой, но не содержанием, поскольку формальное *es* – грамматический субъект действия – не является лексически полнозначным подлежащим, вследствие чего в глагольной форме отсутствует выражение отношения действия к его субъекту. Кроме того, здесь возможно употребление глаголов переходных, непереходных, а также пере-

ходных в непереходном значении. Отсутствие в предложении субъекта и объекта действия подчёркивает динамичность процесса, концентрирует всё внимание говорящего на самом действии. Действующее лицо не называется, но оно имплицитно присутствует, о чём свидетельствует наполняемость безличных пассивных конструкций только глаголами, обозначающими человеческую деятельность. Семантика этих глаголов не допускает возможности употребления в безличном пассиве глаголов, которые не обозначают какую бы то ни было деятельность субъекта.

Безличный пассив является важным средством выражения непереходности глаголов, а в отношении переходных глаголов – средством оставить обе их валентности незаполненными. С позиции построения предложения безличный пассив двучленен вследствие употребления формального подлежащего *es*, однако, если рассматривать его под углом зрения валентностных свойств глагола, то он одночленен, потому что его глагол семантически опустошён, он, в сущности, лишь реализует свое грамматическое значение, напр.: *Es wird gespielt, getanzt, gesungen*, тем более что при инверсии *es* опускается, напр.: *Gespielt, getanzt, gesungen wird heute nicht*.

Общим для бесподлежащих пассивных конструкций является то, что они всегда сообщают о целостных событиях или ситуациях. Глагол таких предложений не имеет позиционной валентности, что отличает его от глагола-предиката, напр.: *Es wurde weitermarschiert*. → *Trotz der Hitze marschierten die Soldaten weiter*. Кроме того, он не передает какую-либо информацию, кроме той, что указывает на характер события и грамматическое время его протекания, напр.: *Es wurde heute so viel darüber gesprochen und diskutiert. Jetzt wird aber ohne jegliche Gespräche geschlafen!*

В русском же языке безличные (как активные, так и пассивные) предложения всегда односоставны, даже если они порой и представляют собой двучленную форму русских соответствий немецким, напр.: *Es blitzt*. – *Сверкает молния*. *Es donnert*. – *Гремит гром*. *Es regnet*. – *Идет дождь*. *Und jetzt wird gesungen!* – *А теперь поем!* Двусоставность формы не должна вводить в заблуждение, ибо в ней за формальной расчлененностью скрывается глобальное обозначение событий. Пассивным конструкциям немецкого языка зачастую соответствуют неопределённо-личные или безличные активные предложения русского языка, чему способствует свобода порядка слов в русском языке, напр.: *Diese Frage wurde falsch beantwortet*. – *На этом вопрос ответили неправильно*. *Sie wird immer*

gelobt. – *Её всегда хвалят*. *Jetzt wird er früh geweckt*. – *Теперь его будят рано*. Таким образом, безличный пассив – это явление, чуждое русскому языку и речи на нем, в то время как для немецкого языка оно типично: границы его употребления во всех стилях немецкого языка, и прежде всего в повседневной разговорной речи, впечатляюще широки.

При овладении трёхчленным пассивом наибольшую трудность для изучающих немецкий язык представляет собой выбор предлога, оформляющего имплицитного субъекта действия. Перемещение собственно производителя действия в центр предложения в трехчленной пассивной конструкции ведёт к нейтрализации его основной семантической нагрузки – сообщения о лице, совершающем действие, а возможность оформления его тремя предлогами – *von*, *durch* или *mit* – ставит обучающихся перед далеко не простой задачей правильного выбора необходимого предлога.

Von и *durch* бывают абсолютно синонимичными крайне редко. Каждый из них имеет свою специфическую особенность употребления: *von* относится преимущественно к одушевленным лицам, являющимися в активном предложении грамматическим и логическим подлежащим, напр.: *Die Kinder basteln ein Automodell*. → *Ein Automodell wird von den Kindern gebastelt*.

В редких случаях носитель действия может быть обозначен неодушевленным существительным, который выступает как активно действующая физическая сила, напр.: *Der Blitz hat eine schöne, hohe Birke getroffen*. → *Eine schöne, hohe Birke ist vom Blitz getroffen worden*.

Предлог *durch* является более ограниченным средством оформления деятеля в пассивной конструкции вследствие своей причинно-следственной семантики, позволяющей считать его синонимичным предлогам *wegen*, *infolge*. Он вводит обычно лицо или предмет, которые являются посредниками действия, пассивной причиной или поводом к его совершению. Предлог *mit* имеет ярко выраженное инструментальное значение, напр.: *Der Text wurde an die Tafel mit dem Filzstift geschrieben*. Особенно четко просматривается различие в значении предлогов, когда они все употреблены в одном предложении, напр.: *Der Brief wurde von meinem Vetter mit dem Bleistift geschrieben und durch einen Bekannten mir überreicht*.

Такова картина предложного оформления деятеля в трехчленной пассивной конструкции в немецком языке. Для русского же языка эта проблема не актуальна. Страдательное значение в русском предложении выступает особенно ярко, когда в нём присутствует творительный па-

деж действующего лица. Его отсутствие ослабляет, а иногда даже нейтрализует страдательное значение, напр.: *поезд останавливается сигналом – поезд останавливается.*

Второе «крыло» оппозиции залогов в немецком языке – Zustandspassiv – не является такой идеальной аналитической формой, как Vorgangspassiv. Вследствие своей многозначности она обозначается то эллипсом от *worden*, то именным сказуемым с причастным предикативом. Однако она имеет внутреннюю связь с «werden + Partizip II»: прежде, чем объект попадает в какое-то состояние, над ним должно быть совершенно определенное действие, напр.: *Viele Häuser wurden im Krieg zerstört. → Zur Zeit sind schon die meisten von ihnen wiederaufgebaut.* Проверенным фактом является то, что изучающие немецкий язык склонны употреблять форму «sein + Partizip II» вместо «werden + Partizip II» там, где это ни логически, ни грамматически недопустимо.

Чтобы избежать эту и многие другие серьезные ошибки, о причинах появления которых шла речь выше, необходимо соответствующее методическое обеспечение этапов презентации знаний о пассиве, в плане его сопоставления со страдательным залогом; первичного закрепления языкового материала; формирования искомым грамматических навыков и умений, способных вывести в речь формы и структуры пассива, но это – уже задача исследования методики организации работы над немецким пассивом, относящимся к активному аспекту грамматики, с русскоязычной аудиторией.

Выводы. Анализ черт сходства и различия в формообразовании, объёме значения и степени распространённости в устной и письменной формах речи русского и немецкого языков страдательного залога/пассива, должно стать отправ-

ной точкой в выборе рационального пути сообщения знаний об одной из наиболее сложных и важных категорий глагола в родном и иностранном языках с тем, чтобы на полной ориентировочной, сознательной основе поставить приобретенные знания на службу практике в немецком языке: способствовать устранению ошибок в выборе залога, в его формообразовании, распознавании пассивных конструкции при чтении и аудировании; продолжать на исследуемом грамматическом материале развитие чувства языка, что найдет свое конкретное выражение в умении употреблять пассивные формы и конструкции в устной и письменной речи там, где этого требует языковая норма и ситуация общения.

Важное место в комплексе названных сложных, но практически значимых теоретико-практических задач, по праву должно отводиться овладению психолингвистическим знанием, в частности, в плане понимания процессов, происходящих в сознании человека, начинающего изучать чужой язык, имеющий черты как сходства, так и различия с их родным языком, равно как факторов, отрицательно или положительно влияющих на успешность овладения неродным языком на всех его уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1970. – 767 с.
2. Schendels E. Deutsche Grammatik (Morphologie, Syntax, Text) / E. Schendels. – М. : Высшая школа, 1979. – 398 S.
3. Jukash J. Probleme der Interferenz / J. Jukash. – Budapest, 1970.
4. Draganowa G. Ein Überblick über die Genera im Deutschen und Russischen unter dem Aspekt der Konfrontation / G. Draganowa // Deutsch als Fremdsprache. – 1971. – № 8. – S. 351–354.

УДК 81'282.4(436)

Евтихова И. М., Ильина Ю. В.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АВСТРИЙСКОГО ВАРИАНТА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

У даній статті розглядається проблема національного варіанту німецької мови в Австрії, аналізується відібрана австрійська лексика.

Ключові слова: діалект, літературна мова, національний варіант мови, «австрійська німецька».

В данной статье рассматривается проблема национального варианта немецкого языка в Австрии, анализируется отобранная австрийская лексика.

Ключевые слова: диалект, литературный язык, национальный вариант языка, «австрийский немецкий».

This article addresses the problem of national variants of German language in Austria, analyzed selected Austrian vocabulary.

Key words: dialect, literary language, national language variant, «Austrian's German».

Постановка проблемы. Внутри современного немецкого языка существует большое количество различных функциональных стилей (диалектов, полудиалектов, говоров, территориальных дублетов, национальных вариантов). В связи со сложными процессами взаимодействия функциональных стилей внутри одного языка возникает необходимость в выявлении и исследовании лексических особенностей каждого функционального стиля на определенной территории.

Анализ имеющейся литературы показал, что данной проблемой занимались многие известные ученые – как отечественные, так и зарубежные. В частности, А. И. Домашнев [1], М. М. Гухман [2], Л. Б. Копчук [3] посвятили свои труды выявлению особенностей взаимодействия диалектов и национальных вариантов с немецким литературным языком. Современные зарубежные исследователи, такие как Ульрих Амон [4; 5], Герман Шойрингер [6], Рудольф Мур [7], за последние 15 лет внесли неоценимый вклад в классификацию немецкой диалектологии.

Однако данные исследования имеют скорее теоретическую, нежели практическую ценность, так как в них отразились общие положения различий между литературным языком и его диалектальной составляющей, а применение этой теории на практике, в частности отбор и анализ современной австрийской лексики, до данного момента не проводился.

В связи с тем, что тема, связанная с лексическими особенностями современного австрийского варианта немецкого языка, является малоисследованной, **целью** данной статьи явилось выявление и классификация лексических отличий австрийского варианта немецкого языка от литературного немецкого.

Изложение основного материала. Как известно, немецкий является родным языком примерно для 98 млн. человек и одним из языков международного общения. Он принадлежит к западногерманской подгруппе германской группы языков.

Немецкий язык – государственный язык Федеративной Республики Германии, Австрии, Лихтенштейна, а также один из государственных языков Швейцарии и Люксембурга. На немецком языке говорят также в ряде примыкающих к этим территориям областей – в провинции Альто-Адидже (Южный Тироль, Италия), в Эльзасе и части Лотарингии (Франция), в районах Эйпена, Мальмеди и др. (Бельгия). Значительные группы немецкоязычного населения проживают в США, Канаде, Бразилии, Аргентине, России, Казахстане, Польше, Румынии и других странах [4].

Литературный немецкий язык (Hochdeutsch) является общепринятым в сфере образования, делопроизводства, официальных учреждениях и т. п., но наравне с этим существует много региональных диалектов немецкого языка, например Plattdeutsch (нижненемецкий), на котором говорят на севере страны, швабский на юго-западе, баварский на юге и саксонский на юго-востоке. В Австрии и Швейцарии используются свои национальные варианты литературного немецкого языка, отличающиеся некоторыми особенностями фонетики, морфологии и лексики.

На основе исследований различных авторов [2; 5; 7] систему функциональных стилей немецкого языка в общем виде можно представить как включающую в себя:

- литературный язык (Schriftsprache, Standardsprache, Hochdeutsch),
- сближающийся с литературной нормой обиходно-разговорный язык (Umgangssprache),
- региональные (территориально окрашенные) обиходно-разговорные языки (берлинский, северонемецкий, верхнесаксонско-тюрингенский, вюртембергский, баденский, баварский, пфальцский, гессенский),
- многочисленные полудиалекты (возникшие на базе диалектов региональные разговорные наддиалектные формы языка, отличающиеся от собственно диалектов устранением наиболее специфических диалектных признаков),
- территориальные диалекты и национальные варианты языка.

Так, например, для баварского языкового ареала предложение литературного языка *Ich habe es ihm gegeben* «Я это ему дал» в литературном обиходно-разговорном языке представлено как *Ich hab"s ihm gegeb"n*, в региональном обиходно-разговорном – как *Ich hoob"s ihm geb"n*, в полудиалекте – *I hoob"s eahm gebm*, в диалекте – *I hoos eahm gem* [2].

Диалект как одна из форм проявления немецкого языка существовал задолго до времени формирования единого национального литературного языка и намного старше последнего. Важным отличием диалектов от литературных языков является отсутствие у них самостоятельной формы письма [3]. «Австрийский немецкий» имеет свои грамматические, морфологические и орфографические отличия от литературного немецкого языка, следовательно, он не может являться диалектом.

Число фиксируемых в нормативных справочниках различий сильно колеблется в зависимости от набора учитываемых явлений. Так, Г. Фенске выделяет около 2 тыс. (1768) лексических (семантических) различий, а Ш. Кайзер – около 5 тыс. (4845).

Отличия австрийского варианта от литературного немецкого языка заключаются в следующих особенностях:

- присутствует особая специфика проговаривания дифтонгов, наблюдается отсутствие аспирации у начальных звуков *p, t, k*;
- морфологические расхождения заключаются в способах образования множественного числа и рода имен существительных;
- в орфографии степень расхождений невелика: они касаются написания отдельных лексем, что нашло отражение в сосуществовании нормативных вариантов [1].

Литературный язык можно рассматривать как синтез разных диалектов, результатом которого является наличие региональных лексико-семантических дублетов или локальных синонимов, многие из которых в свою очередь стали самостоятельными словами [7].

Национальный язык выступает в форме литературного языка, однако не всякий литературный язык сразу становится национальным языком. Существует точка зрения, согласно которой национальные языки, как правило, формируются в эпоху капитализма [5].

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что «австрийский немецкий» является *национальным вариантом* немецкого языка.

Первое употребление термина «австрийский немецкий» восходит к середине XIX века [8].

Лексика австрийского варианта содержит большое количество славянских, французских, итальянских и других заимствований. Австрийский национальный вариант немецкого языка включает литературную форму немецкого языка, обиходно-разговорный язык и диалекты. Распространенные здесь среднеавстрийский и южноавстрийский диалекты относятся к баварской диалектной области. В провинции Форарльберг, например, используется верхнеалеманнский диалект. Городские полудиалекты развились в районе Вены, а также некоторых других крупных городов Австрии (Линц, Клагенфурт). Венский диалект занимает престижное положение, его влияние испытывают все диалекты, в том числе и алеманнский говор Форарльберга. Венский диалект является основой разговорного языка Австрии, воздействуя через него и на используемую здесь литературную форму немецкого языка. Вместе с тем ряд особенностей литературного языка Австрии опирается на историческую языковую традицию и является результатом самостоятельного развития немецкого языка в условиях отдельного государства.

Литературный немецкий язык используется в Австрии преимущественно в письменной

форме, тогда как в устном, особенно неофициальном, общении функционируют обиходно-разговорные и диалектные формы. Обиходно-разговорный язык в известной мере объединяет Мюнхен (юг ФРГ), Вена, Инсбрук, Грац (Австрия).

Для немецкого языка Австрии характерно значительное число слов французского происхождения, причем многие возникли из разговорной речи и относятся к бытовой сфере.

По данным современной науки [1; 6; 7], на сегодняшний день существует около 7000 так называемых «австриизмов», то есть лексических единиц специфического австрийского употребления.

На формирование лексического разнообразия в Австрии влияет большое количество австрийских диалектов. Диалекты служат для понимания процесса исторического развития языка: в диалектах часто сохраняются архаизмы, необходимые для воссоздания широкого языкового движения. Диалекты используются для установления взаимоотношений между историей языка и историей народа, так как диалектные факты часто дают возможность проследить, как передвигались племена и народы в глубокой древности. Диалекты необходимы для понимания многообразия слов, звуков и форм современного языка, для практического учета особенностей местной речи.

Своеобразие лексики австрийского варианта немецкого языка заключается в том, что слова не кажутся незнакомыми, однако их значение существенно отличается от того, что ожидает коммуникант. Например, такой предмет женского австрийского национального костюма, как юбка, в австрийском немецком имеет два названия: *die Juppe* и *Lona*. Первая лексема напоминает старонемецкое слово, употребляемое в значении «куртка», но никак не «длинная женская юбка», как оно понимается в австрийском немецком. Второе же слово обязано своим происхождением латинскому названию материала (шерсть = lat. *lona*).

В ходе исследования обработке подверглось более 2000 лексических единиц. Число отобранных лексем составило более 500. Все лексические единицы были переведены на литературный немецкий язык, изучено их происхождение и употребление.

Лингвистический анализ отобранной австрийской лексики позволил выделить два направления, в рамках которых австрийская лексика генерируется:

- 1) по месту происхождения и употребления;
- 2) по наличию фонетических и грамматических дифференциальных признаков.

1. По месту происхождения и употребления.

1.1. Диалектальная группа Баварского происхождения:

deppert (auch in Altbayern) → dumm, das Benehmen eines Deppen;

hätti/wari (auch in Altbayern) → «hätte ich – wäre ich» (Selbstmitleid);

Stelze oder Haxen (f; auch in Altbayern) → Eisbein;

Tschick (m; auch in Altbayern) → Zigarette;

zuzeln/zutzeln (auch in Altbayern) → saugen, lutschen; Bsp.: ein Bonbon/an etwas zuzeln.

1.2. Швейцарская диалектальная группа:

Jus (n; Sg.; auch in der Schweiz) → Jura (Rechtswissenschaften): Plural von Jus;

Leiberl, Leibchen (n; auch in der Schweiz, dort nur Leibchen) → T-Shirt, Trikot (Hemd);

Rahm (f; auch in Altbayern, Baden-Württemberg, Schweiz) → Schlagsahne;

1.3. Южногерманская диалектальная группа:

Depp (m; auch in Süddeutschl.) → Dummkopf, Tölpel (Steigerungsform: depperter Depp, Trottel, Idiot);

Jänner (m; mundartlich auch im gesamten süddeutschen Raum) → Januar.

1.4. Чешская диалектальная группа:

Powidl (m; aus dem Tschechischen) → Zwetschenmarmelade/-mus; salopp, ostösterreichisch in der Wendung: das ist mir Powidl (Wurst, Blunzen, egal);

Kolatsche (f; aus dem Tschechischen «koláč») → mit Marmelade (auch Powidl) und Rosinen gefüllter Kuchen, in Wien und Niederösterreich eher: Golatsche.

1.5. Займствования из других языков:

Jause (f; kommt von slowen.: južina) → «Mittagessen», Zwischenmahlzeit vor-oder meist nachmittags;

Paradeiser (n; auch in Slowenien, Kroatien, Bosnien, Serbien, Slowakei, Ungarn) → Tomate (auch in Kärnten, Vorarlberg, Tirol).

1.6. Слова, заимствованные из литературного немецкого языка и частично модифицированные:

Palatschinke(n) (f; außerhalb Deutschlands in ganz Mitteleuropa gebräuchlich, urspr. romanisches Lehnwort, das sich über das Ungarische, Rumänische, letztendlich vom lateinischen placenta für Kuchen ableitet) → Eierkuchen, Pfannkuchen.

2. По наличию фонетических и грамматических дифференциальных признаков.

2.1. Изменение произношения:

Gespritzter (m) (G'spritzter) → Wein mit Mineralwasser; (umgangsspr.) Betrunkener, verwirrte Person;

(der/das) Tunnél (n, Betonung auf dem E; auch in Altbayern) → Tunnel;

Algebra (f) → Lehre von den Gleichungen; algebraische Struktur; österreichische Aussprache: al'ge:bra.

2.2. Изменение приставок:

einheben (Gebühr) → erheben.

2.3. Выпадение или прибавление некоторых букв:

Anbot (n) → Angebot;

Blasbalg (m) → Blasebalg;

Kücken (n) → Küken;

neidig → neidisch;

Szepter (n) → Zepter.

2.4. Изменения в корне слова:

Bürdel (n) → Bündel;

Golatsche (f) (teilweise auch in Altbayern) → Kolatsche;

Polizze (f) → (Versicherungs-) Police;

Ratz (m) → Ratte;

zensurieren → zensieren.

2.5. Изменения в умлаутах:

einfarbig → einfarbig;

Buffet (n) → Büfett;

Luster (m; auch in Altbayern) → Lüster (Kronleuchter).

Обобщая все вышесказанное, можно сделать следующие **выводы**.

1. Исследование показало, что, несмотря на лексическое разнообразие, в Австрии существует лексика, наиболее часто употребляемая на территории всей страны, так называемый лексический минимум, составляющий более 500 лексических единиц.

2. Лингвистическими признаками, позволяющими отличить австрийскую лексику от немецкой, являются происхождение слов, сфера и ареал их употребления, а также наличие фонетических и грамматических дифференциальных признаков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Домашнев А. И. Особенности диалектно-литературного взаимодействия в национальных вариантах немецкого языка / А. И. Домашнев, Л. Т. Копчук // Лексика и лексикография. – М., 2000.
2. Гухман М. М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку : монография / Мирра Моисеевна Гухман. – Л., 1955. – 296 с.
3. Копчук Л. Б. Лексика и фразеология немецких диалектов : учебное пособие для студентов университетов и факультетов иностранных языков / Любовь Борисовна Копчук. – СПб. : Береста, 2002. – 127 с.
4. Ammon U. Die internationale Stellung der deutschen Sprache / Ulrich Ammon. – Berlin ; New York : De Gruyter, 1991. – 63 S.

5. Ammon U. Typologie der nationalen Varianten des Deutschen zum Zweck systematischer und erklärungsbezogener Beschreibung nationaler Varietäten / Ulrich Ammon // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. – 1996. – № 63. – S. 157–175.
6. Scheuringer H. Deutsches Volk und deutsche Sprache. Zum Verhältnis von Deutsch-Sprechen und Deutsch-Sein in der Schweiz und in Österreich nach 1945 / Hermann Scheuringer // Österreich in Geschichte und Literatur. – Mannheim, 1992. – S. 162–173.
7. Muhr R. Zur Sprachsituation in Österreich und zum Begriff «Standardsprache» in plurizentrischen Sprachen. Sprache und Identität in Österreich / Rudolf Muhr // Österreichisches Deutsch. Linguistische, sozialpsychologische und sprachpolitische Aspekte einer nationalen Variante des Deutschen. – Wien : Wiesinger, 1995. – S. 75–109.
8. Wiesinger P. Das Österreichische Deutsch in der Diskussion / Peter Wiesinger – Wien : Leerkamp, 1995. – 178 S.

УДК 811.111'374.3+811.111'373.2

Корабліна З. Ю.

ЕМПІРИЧНИЙ КОМПОНЕНТ ЛЕКСИЧНОГО ЗНАЧЕННЯ ФІТОНІМІВ У ТЛУМАЧНОМУ СЛОВНИКУ АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ

У статті проаналізовано семний склад дефініцій лексем тематичної групи «рослини», представлених у тлумачному словнику сучасної англійської мови. Показано, що в дефініціях спостерігається непослідовність при виборі семантичних ознак і відсутність уніфікованості при описі лексичного значення. Це явище пояснюється орієнтацією авторів словника на культурну значимість реалій і розглядається як прояв принципу антропоцентризму в лексикографії.

Ключові слова: лексикографія, дефініція, семантична ознака, сема, антропоцентризм, фітонім.

В статье проанализирован семный состав дефиниций лексем тематической группы «растения», представленных в толковом словаре современного английского языка. Показано, что в дефинициях наблюдается непоследовательность при выборе семантических признаков и отсутствие унифицированности при описании лексического значения. Это объясняется ориентацией авторов словарей на культурную значимость реалий и рассматривается как проявление принципа антропоцентризма в лексикографии.

Ключевые слова: лексикография, дефиниция, семантический признак, сема, антропоцентризм, фитоним.

The article analyses definitions of names of plants as represented in an explanatory dictionary of the modern English language. It is proven that the definitions demonstrate a lack of consistency in the choice of semantic features as well as a lack of uniform approach to the description of lexical meaning, which can be explained by the compilers' attention being focused mainly upon the cultural value of notions and thus is regarded as a manifestation of anthropocentrism in lexicography.

Key words: lexicography, definition, semantic feature, seme, anthropocentrism, plant name.

Постановка проблеми. Принципи та параметри лексикографічного опису лексики давно перебувають у центрі уваги вітчизняних та зарубіжних мовознавців (В. В. Виноградов, В. П. Філін, Д. М. Шмельов, В. В. Дубічинський, В. Дорошевський, Ю. Д. Апресян). Важливе місце відводиться формулюванню тлумачень лексем – назв природних об'єктів. Представлення в тлумачних словниках саме цього пласту конкретної іменної лексики виявляється достатньо складним завданням з огляду на те, що на відміну від артефактів, натурфакти мають нечітке призначення і різну міру залучення в практику людського життя, що не дозволяє з певністю обрати більш чи менш стабільний набір параметрів тлумачення.

Аналіз літератури. Тлумачення лексичних значень слова детально розглянуто в праці Д. І. Арбатського «Толкование значений слов. Семантические определения» [2]. Автор наголошує на двосторонньому зв'язку між поняттям про предмет і словом, який формується в процесі пізнавальної діяльності. Особливо важливими, з точки зору нашого дослідження, є розділи, присвячені функціональним типам семантичних визначень та вимогам, які до них висуваються, у тому числі критеріям тлумачення лексем, що належать до групи конкретної іменної загальноживаної лексики.

З. Д. Попова і Й. А. Стернін у монографії «Когнитивная лингвистика» [4] розглядають, зокрема, такі актуальні для дослідження засад

лексикографічного опису питання, як види свідомості і лексикографічне значення слова.

Про значення як різновид знання про світ йдеться також у більш ранній праці Й. А. Стерніна, його дисертації на здобуття вченого ступеня доктора філологічних наук «Лексическое значение слова в речи» (збірник «Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкознания») [5]. Звертаючись до проблеми типології семантичних компонентів лексичного значення, автор пропонує розмежовувати мегакомпоненти, макрокомпоненти, мікрокомпоненти (семи), семантичні ознаки, семні конкретизатори і аспекти лексичного значення.

Принципи і параметри лексикографічного опису висвітлено і в праці В. В. Дубічинського «Теоретическая и практическая лексикография» [3], зокрема, головний принцип лексикографічної параметризації як опис кожної лексеми як елемента певного лексикографічного типу, зі спільними рисами, що повторюються у низки різних лексичних одиниць, та узгоджене стандартизоване представлення лексем у словнику.

Словникове тлумачення будується на основі виокремлення обмеженого набору мінімальних семантичних компонентів, які дозволяють ідентифікувати предмет і відображають його сутність у відносно стислому за обсягом тексті словникової статті (логічний і описовий редукціонізм, за Й. А. Стерніним [4, с. 94]). Представлене таким чином лексикографічне значення слова є штучним витвором лексикографів і має суб'єктивний характер: укладач словника априорі виходить з того, що більшість носіїв мови (і користувачів словникової продукції) розуміють дане слово саме в такому семантичному обсязі. Однак це легко спростовується експериментальним шляхом і повсякденною практикою слововживання [4, с. 94].

Лексикографічна практика базується на ідеї про те, що до дефініції включаються саме ознаки, які відображають істотні, диференційні характеристики предмета або явища. Якщо це може бути істинним у випадку з дефініціями термінів або артефактів, то для більшості загальноживаних слів ознаки, які лежать в основі лексикографічного опису значення, можуть взагалі не мати стосунку до категорії істотності через специфіку самих натурфактів. Ознаки, які можна виокремити для цих предметів як істотні, насправді такими виявляються не для них, а для людей, які використовують ці предмети тим чи тим чином. Це прояв принципу антропоцентризму, який, зокрема, полягає у вибіркового акцентуванні тих аспектів явищ чи об'єктів, що мають найбільшу релевантність для певного мовно-культурного колективу.

Мовознавці виділяють необов'язковий компонент лексичного значення, властивий лише для слів певних семантичних розрядів (конкретної лексики, на відміну від абстрактної) – емпіричний макрокомпонент, узагальнене чуттєво-наочне уявлення про предмет номінації, яке входить до структури значення як його складова частина. Емпіричний макрокомпонент, денотативний (предметно-понятійна інформація, пов'язана з відображенням позамовної реальності) та конотативний, який відображає ставлення мовця до предмета номінації у формі оцінки денотата, утворюють лексичне значення слова [5, с. 46].

Мета статті – аналіз структури дефініцій фітонімів у тлумачному словнику англійської мови і виявлення основних компонентів лексичного значення фітонімів.

Матеріалом нашого дослідження ми обрали лексико-семантичну групу «рослини». Фітоніми якнайкраще репрезентують клас натурфактів, про які йшлося вище. Матеріал було отримано методом суцільної вибірки з авторитетного тлумачного словника англійської мови New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language (далі NW), загальною кількістю 957 одиниць.

Об'єктом розгляду в даній статті стала структура дефініції з точки зору її зорієнтованості на споживача лексикографічного продукту. Зокрема, нас цікавило співвідношення обов'язкових та факультативних компонентів у складі словникових дефініцій фітонімів, наповненість дефініції, тобто наявність у ній достатньої кількості мінімальних ознак, які дозволяють якомога точніше ідентифікувати означуваний об'єкт, та емпіричний компонент як фактор, який сприяє ідентифікації означуваного.

Виклад основного матеріалу. При тому, що основним завданням тлумачних словників є власне витлумачення, з'ясування значень або системи значень слів, інформація, яка міститься в словниковій статті, часто буває набагато ширшою.

Словникове тлумачення, за визначенням, має на меті розмежування, розкриття значень слів шляхом фіксування найістотніших властивостей, ознак, відносин і формування у читача відповідних уявлень про предмет. Ефективне тлумачення в ідеалі повинне відповідати певному набору чітких критеріїв: поєднувати в собі об'єктивний та суб'єктивний аспекти [2, с. 12] і включати лише ту інформацію, яка увійшла до сфери регулярного вжитку.

Аналіз відібраного лексикографічного матеріалу дозволив виділити основні групи дефініцій, у яких було відзначено наявність емпірич-

ного компоненту лексичного значення. Оскільки основними відчуттями, в яких рослини доступні фізичному сприйняттю людини, є зір, дотик, нюх і смак, то природно припускати, що саме ці характеристики денотатів мають бути представлені у словникових дефініціях.

Найчисельнішою, як ми і очікували, виявилась група дефініцій, у яких відображено зорове сприйняття рослини (розмір, особливості будови, колір частин рослини, таких як квіти, плоди, листя, стебло/стовбур, кореневище). Загалом кількість таких дефініцій становить приблизно половину нашої вибірки (433 з 957 одиниць, що дорівнює 45%). Близько половини з них експлікують лише один канал впливу, зоровий, однак є такі дефініції, в яких містяться вказівки на інші, додаткові канали сприйняття (смакові, нюхові, тактильні).

Як правило, результати лише зорового сприйняття рослини фіксуються в емпіричному компоненті таких об'єктів, як злаки, трави (які не мають запашних квітів чи плодів), більшість неплодових дерев. Той самий спосіб представлення ознак спостерігається і в дефініціях багатьох видів квітучих рослин. Найчастіше виділяються такі важливі ознаки, як розмір (*big/small*), висота (*high, tall/low*), товщина (*thick, fleshy/thin*), колір і його інтенсивність (*dark, deep/pale, light*), естетична цінність (*showy, pretty, beautiful/ inconspicuous*), конкретні прикметні ознаки будови рослини (форма і розміщення листків, плодів, форма кореня, тип суцвіття тощо).

Наприклад, у дефініції фітоніма *anemone* «анемона» – *a member of Anemone, fam. Ranunculaceae, a genus of plants bearing colorful flowers, A. pulsatilla is the pasqueflower* [NW, с. 34] «член роду анемона, родини жовтецевих, рід рослин з яскравими квітами. *A. pulsatilla* – сон-трава» – експлікуються безпосередньо доступні для сприйняття ознаки «колір», «наявність квітки».

У дефініції *Bleeding heart* «розбите серце» – *a popular name for Dicentra spectabilis, fam. Fumariaceae, a garden plant with racemes of drooping, pink, heart-shaped flowers* [NW, с. 102] «народна назва діцентри чудової, родина димянкові (руткові), садової рослини з гронами звислих рожевих квіток у формі сердечок» – експлікуються ознаки «наявність квіток», «колір», «форма суцвіття», «форма квітки».

У дефініції *Catalpa* «катальпа» – *a member of Catalpa, fam. Bignoniaceae, a genus of trees with heart-shaped leaves and long racemes of flowers and long pods* [NW, с. 154] «член роду катальпа родини бігنونієвих, рід дерев з серцевидними листками і довгими гронами квітів і довгих стручків» – експлікуються ознаки «форма

листя», «наявність квітів», «форма суцвіття», «форма плодів».

Більшість фітонімів описується через поєднання емпіричного компоненту з іншими видами інформації, зокрема, про ареал поширення, час цвітіння, особливості використання в культурі тощо.

Наприклад, в дефініції *Rye* «жито» – *Secale cereale, fam. Graminae, a tall-growing cereal with dark-colored grain. It is cultivated mainly in N. Europe and North America/its grain, used in making bread and for the distilling of rye whiskey, and fed to poultry and farm animals* [NW, с. 874] «жито посівне родини злакових, високий злак з темними зернами. Культивується головним чином у Північній Європі та Північній Америці // його зерно, яке використовується для випікання хліба; з нього переганяють спирт на житнє віскі; зерно також згодовують птиці та худобі» – експлікуються такі релевантні для чуттєвого сприйняття ознаки, як «розмір», «наявність плодів», «тип плодів», «колір»; крім цього, наявні такі аспекти тлумачення, як «ареал», «господарська цінність».

У дефініції фітоніма *satinwood* «атласне дерево» – *an East Indian tree, the lustrous, light-colored wood of which is used in cabinetmaking* [NW, с. 888] «дерево, поширене в Східній Індії; блискуча, світла деревина його використовується для виробництва меблів» – експлікуються ознаки «ареал», «колір», «господарська цінність», з яких безпосередньо для органів чуттів доступна лише одна.

У фітоніма *deodar* «гімалайський кедр» знаходимо такі семантичні ознаки, що входять до складу емпіричного макрокомпонента значення, як «розмір» (сема «великий») і «естетична цінність» (сема «гарний»): *Cedrus deodara, fam. Coniferae, a very large Himalayan cedar yielding valuable wood and noted for its beauty* [NW, с. 257] «дуже великий гімалайський кедр родини хвойних, джерело цінної деревини, відзначається своєю красою».

Варто зауважити, що в проаналізованому масиві дефініцій фітонімів з емпіричним компонентом значення «доступний для зорового сприйняття» ми не зауважили послідовного зв'язку між такими параметрами, як обсяг тлумачення (кількість семантичних ознак), наявність або відсутність наукової назви рослини або її співвіднесеність із іншими у випадку, коли об'єкт опису – екзот, не належить до загальновідомих рослин у даній мовно-культурній спільноті (для укладачів та основної маси адресатів словника New Webster's це, природно, будуть ті рослини, ареал яких знаходиться за межами Північної Америки та Європи).

Розгляньмо три показові приклади. *Japanese ivy* «виноград дівочий» *a creeper native to China and Japan. It has three-lobed leaves and climbs by tendrils ending in suction disks* [NW, с. 521] «ліана, росте в Китаї та Японії, має трійчасті листки, чіпляється за допомогою вусиків з дископодібними присосками на кінцях»; *Iceland poppy* «ісландський мак» *Papaver nudicaule, a subarctic poppy with yellow and white flowers. Papaver alpinum, an alpine poppy with white, yellow, pink, or orange flowers* [NW, с. 480] «*Papaver nudicaule*, арктичний мак з білими і жовтими квітками. *Papaver alpinum*, альпійський мак із білими, жовтими, рожевими або оранжевими квітками»; *ixia* «іксія» *a genus of bulbous South American plants, having racemes of brightly colored flowers* [NW, с. 517] «рід цибулинних південноамериканських рослин з китицями яскравих квітів».

Якщо ідентифікувати перші дві рослини відносно легко (обидві дефініції починаються архісемами «ліана» та «мак», які належать до загальновідомих типів рослин і асоціюються в свідомості пересічного носія мови з цілком конкретними образами ліан і маків, то уявити собі іксію (або розпізнати серед інших маловідомих рослин), не маючи фахових знань у галузі ботаніки, є набагато складніше. Архісема «рослина», навіть з означенням «цибулинна», занадто загальна для того, щоб носій мови міг скласти собі хоча б приблизне уявлення про її вигляд.

Групи дефініцій, які містять ознаки, базовані на органолептичному аналізі інформації (через смак, нюх, дотик), кількісно менші від розглянутої. Як правило, інформація про такі ознаки в дефініціях комбінується, наприклад, повідомляється про смак і запах, колір і смак, колір і текстуру тощо.

Найчисельніша з таких дефініцій група, яка містить компонент «сприйняття об'єкта за смаком» (375 одиниць, приблизно 40%). Ознака може бути виражена експліцитно (*sweet* «солодкий, ніжний»; *bitter* «гіркий»; *astringent* «в'язкий»; *tart, pungent, strong* «різкий, сильний»; *good to drink* «приємний», *rich in sugar* «багатий на цукор»; *tastes like raspberry* «нагадує смаком малину») або імпліцитно – наприклад, через вказівку на застосування тої чи тої рослини в кулінарії як приправи.

Розгляньмо дефініції декількох фітонімів з цієї групи.

Dill «кріп» *Anethum graveolens, fam. Umbelliferae, an annual whose seeds are used as a carminative and also as a flavoring in pickles, etc.* [NW, с. 266] «кріп запашний, родина зонтичних, однорічник, насіння якого використовується як вітрогінний засіб, а також як приправа до маринадів, тощо» – компонент «смак» присутній ім-

пліцитно (через вказівку на використання в кулінарії).

Rosemary «розмарин» *an evergreen shrub grown esp. in Mediterranean area. The pungent leaves are used as a culinary herb and in making perfume, soap etc.* [NW, с. 865] «вічнозелений кущ, який росте, зокрема, у середземноморському кліматі. Пряні листки використовуються як кулінарна приправа, в парфумерії, виробництві мила, тощо» – експлікуються такі ознаки, як «смак»/«запах», доступні спостерігачеві безпосередньо через органи чуттів.

Sorrel «щавель» *a genus of plants with sour juice, of which 150 species are known in temperate regions. Some have rhizomes. They have whorled inflorescences with small inconspicuous flowers* [NW, с. 947] «рід рослин з кислим соком. У помірному поясі відомо 150 видів, деякі з них мають кореневища. Суцвіття – волоть, складається з маленьких непоказних квіток» – експлікується семантична ознака «смак» як релевантна для господарської діяльності людини. Оскільки квіти щавлю не мають естетичної цінності, це підкреслено семою «непоказний».

Цікавою з погляду диференціації сем на позитивні та негативні [5, с. 49] є дефініція фітоніма *sesame* «кунжут, сезам» *a herbaceous tropical and subtropical plant with small flat seeds, used as food and yielding a bland, pale yellow oil used in salads, margarine and soap and as a laxative* [NW, с. 911] «трав'яниста тропічна та субтропічна рослина з дрібним пласким насінням, яку вживають у їжу і з якої добувають світло-жовту олію без смаку і запаху, яку використовують в салатах, маргаринах, у виробництві мила, та як прогонний засіб». У цьому випадку ознака «без смаку і запаху» виступає як негативна інклюзивна сема, тобто вона заперечує наявність окремих конкретних ознак об'єкта і виконує в структурі значення диференційну функцію.

Маркери ознаки «смак» можна з великою мірою умовності поділити на «позитивні» (приємні для людини) і «негативні» (неприємні), але навіть такий умовний поділ буде дуже не об'єктивним, тому що сприйняття смаків і запахів, як і естетичні критерії, дуже індивідуальне. Тому ми не можемо погодитися з твердженням Й. А. Стерніна про те, що поділ сем на позитивні та негативні відображає реальний поділ ознак на позитивні та негативні [5, с. 49]. «Негативність» у цьому випадку означатиме лише відсутність ознаки, майже «нульову» ознаку (як, наприклад, відсутність чітко вираженого смаку кунжутної олії, на що вказує прикметник *bland*).

Подібне спостерігається і в групі дефініцій за ознакою «вплив на тактильні відчуття» (у нашій вибірці є 106 таких дефініцій, близько 11%),

і в тих, де основною ознакою виступає запах (99 дефініцій, близько 10%).

Вплив на тактильні відчуття експлікується за допомогою таких ознак, як *prickly* «колючий», *thorny, spiked* «вкритий шипами», *pointed* «загострений»; *tough* «твердий»; *stiff* «жорсткий»; *leathery* «шкірястий»; *rough, roughish* «шорсткий, шершавий»; *coarse* «грубий»; *fragile, brittle* «крихкий, ламкий»; *stinging* «жалкий»; *irritant* «такий, що викликає подразнення»; *smooth* «гладенький»; *soft* «м'який»; *downy* «пухнастий»; *hairy* «шерстистий, волохатий»; *silky* «шовковистий»; *ribbed* «ребристий», *viscous, sticky* «липкий» і т. д.

Наприклад: *guava* «гуава» *Psidium guajava, fam. Myrtaceae, a small tropical tree. Its gritty pearlike fruit is used to make a dessert marmalade or guava jelly, or eaten fresh* [NW, с. 427] «родина миртових, невелике тропічне дерево. Його твердий грушоподібний плід використовують для приготування десертів (мармеладу або желе), або їдять сирим».

Негативна емпірична сема експлікується тоді, коли певної очікуваної в даного представника рослинного царства ознаки не спостерігається. Розгляньмо, для прикладу, дефініції фітонімів *dead nettle* «глуха кропива» *a genus of nettles without the irritant property of the stinging nettle* [NW, с. 246] «рід кропиви без подразнюючої властивості жалкої кропиви»; *sow thistle* «осот городній» *a genus of tall grasses with copious latex. They are like thistles without prickles* [NW, с. 950] «рід високорослих трав з великою кількістю молочного соку, схожих на будяк без колючок».

Ознака «запах» представлена в дефініціях фітонімів не настільки широко, як «смак» чи навіть «тактильні відчуття», хоча об'єктивно ця властивість присутня практично в усіх рослинах. Семантична ознака «запах» має два семних конкретизатори, «приємний» / «неприємний», які вербалізуються в дефініціях наступним чином: *aroma* «аромат», *scent* «(приємний) запах», *aromatic* «ароматний», *fragrant* «запашний», *perfumed* «пахучий», *sweet* «солодкий, ніжний», *fetid* «огидний», *disagreeable* «неприємний, прикрий», *pungent* «різкий», *odor* «(неприємний) запах», *evil-smelling* «з огидним запахом».

Номінації запахів у дефініціях можуть конкретизуватися в тих випадках, якщо запах настільки виразний, що ця ознака складає сутність певної рослини, наприклад: *goosefoot* «лобода» *a plant of family Chenopodiaceae, esp. a member of genus Chenopodium, smelling strongly of bad fish* [NW, с. 411–412] «рослина родини маревих, особливо роду мар, з дуже сильним запахом тухлої риби».

Прикладом негативної семи (введення відсутньої ознаки) може бути компонент *scentless*, що міститься в дефініції фітоніма *dog violet* «фіалка собача» *a wild, scentless Old World violet* [NW, с. 277] «дикоросла фіалка Старого Світу без запаху».

Очевидно, що наявність негативної семи в дефініції фітоніма виконує інформативну роль і має конкретне смислове навантаження, сигналізуючи про те, що зазвичай об'єктам цього класу певна риса властива. Тому негативна сема виконує диференціальну функцію, виділяючи означуване поняття з більшого класу подібних до нього об'єктів. Пор. приклади, наведені Й. А. Стерніним: «планер – *безмоторный* летательный аппарат тяжелее воздуха; байдарка – узкая и легкая спортивная лодка *без уключин*; тахта – широкий низкий диван *без спинки*» [5, с. 49]. Це свідчить про те, що в свідомості носіїв мови існує уявлення про певні об'єкти, зазвичай наділені певною властивістю, і інші, які цієї однієї властивості позбавлені. Така дихотомія відображається негативною семою в складі дефініції.

За характером виявлення в лексичному значенні Й. А. Стернін виділяє також експліцитні (безпосередньо представлені у дефініціях) та приховані семи, які містяться в інших семах і можуть бути «виведені» з них [5, с. 48]. Наприклад, у дефініції фітоніма *butterwort* «жирянка» семантична ознака «дотик» прямо не представлена, але сему «липкий» можна вивести з значення лексеми *adhere* «прилипати, приклеюватися», яка міститься у дефініції: *...leaves are covered in glands which secrete a fluid, to which small insects adhere* «листки вкриті залозами, що виділяють рідину, до якої прилипають дрібні комахи» [NW, с. 133].

Аналогічні приклади прихованих сем ми виявили в дефініціях фітонімів «любисток» (семи «різкий смак/запах» можна вивести зі значення фрази *cultivated for use in flavoring and perfumery* «вирощується як спеція і сировина для парфумерної промисловості» [NW, с. 588]), *wintergreen* «грушанка» *an oil, used ... as a flavouring, is distilled* «дає олію, яка використовується ... як спеція» [NW, с. 1128]; у дефініції фітоніма *sugarcane* «цукрова тростина» сему «солодкий» у складі семантичної ознаки «смак» можна вивести з компонента фрази *one of the chief sources of sugar* «одне з основних джерел цукру» [NW, с. 989].

Серед сем у складі дефініцій можна також виокремити постійні та ймовірнісні [5, с. 48]. У проаналізованих дефініціях фітонімів ми виявили цілу низку ймовірнісних сем, які відображають істотні властивості рослин та їх частин: *mostly, mainly, chiefly* «головним чином», *com-*

monly, generally, usually «зазвичай», *frequently* «часто», *traditionally, typically* «як правило», *sometimes* «іноколи», *often* «часто», *most* «більшість», *several* «декілька». Непостійний характер ознаки експлікується також семою «імовірнісність», вираженою модальними конструкціями з дієсловами *can* та *may* «могти», «бути можливим». Яскравим прикладом експлікації ймовірнісних сем «багато» і «зазвичай» у складі значення і протиставлення їх постійній семі «всі» є дефініція фітоніма *campanula* «дзвоник»: *Many are alpine plants, and all have bell-shaped flowers, usually blue or white* «Багато з них є гірськими рослинами, і всі мають квітки у формі дзвоника, зазвичай блакитні або білі» [NW, с. 141].

Класифікація сем за змістом дозволяє також виокремити чіткі та нечіткі семи [5, с. 49]. Зміст чітких семи в складі дефініцій фітонімів позбавлений будь-якого суб'єктивізму: наприклад, у семантичній ознаці «тривалість життя рослини» можна виділити семи *annual* «однорічний» та *perennial* «багаторічний», тощо. Нечітка сема має розмитий зміст, її денотативна сфера може частково перетинатися з денотативною сферою іншої семи з тією ж семантичною ознакою і завжди містить суб'єктивну оцінку.

Наприклад, семи «великий» і «малий» у складі семантичної ознаки «розмір» дуже відносно описують розмір рослини або її частин, оскільки «точкою відліку» служить спостерігач. Пор. дефініції декількох фітонімів, які містять нечітку сему: *sequoia* «секвойя» *a genus of very large North American coniferous trees* «рід дуже великих північноамериканських хвойних дерев» [NW, с. 909]; *durian* «дуріан» *very large oval fruit* «дуже великий овальний плід» [NW, с. 290]; *plum* «слива» *a small tree widely cultivated in temperate regions* «невелике дерево, широко розповсюджене в помірному поясі» [NW, с. 772]; *sorrel* «щавель» *a genus of plants with sour juice ... with small inconspicuous flowers* «рід рослин з кислим соком ... з маленькими непоказними квітками» [NW, с. 947]. Очевидно, що ці семи мають дуже різне наповнення в кожному з конкретних прикладів, і їх зміст залежить від рівня фонових знань носія мови.

Висновки. Аналіз дефініцій фітонімів виявив важливу роль емпіричного компоненту в структурі лексичного значення назв рослин, що, очевидно, зумовлено специфікою ролі рослин у житті людини.

Значне кількісне переважання дефініцій, що експлікують емпіричний компонент значення «зорове сприйняття», об'єктивно відображає як основний спосіб отримання людиною інформа-

ції про рослини, так і «презумпцію компетентності» користувача словника, який, з погляду укладача-лексикографа, апіорі повинен мати необхідний рівень фонових знань для правильної ідентифікації означуваного об'єкта (рослини) навіть за умови неповної дефініції.

Введення до складу дефініції негативної семи, а також імовірнісний характер низки сем і імпліцитна присутність деяких важливих сем у дефініціях свідчать про антропоцентричний підхід лексикографів до укладання словників і орієнтацію на загальну компетенцію користувачів словникової продукції.

У той же час набір семантичних ознак, який обирається для опису семантики слів тематичної групи «рослини», не можна вважати достатнім для повної ідентифікації значення певної лексики. У дефініціях спостерігається непослідовність при виборі наведених ознак, відсутня уніфікованість опису лексичного значення. На нашу думку, це пов'язано з орієнтацією авторів словників на культурну значимість тих чи тих реалій, що приводить до фіксації одних ознак і повного ігнорування інших. Такий підхід ґрунтується на принципі антропоцентризму, зокрема, на вибіркового акцентуванні тих явищ, що мають найбільшу релевантність для певної мовно-культурної спільноти.

Перспективи подальших досліджень ми пов'язуємо з докладним аналізом принципів лексикографічного опису фітонімічної лексики в тлумачних словниках англійської мови, що дозволить виявити основні принципи побудови традиційної дефініції, а також специфіку певних лексикографічних традицій.

ЛІТЕРАТУРА

1. Антропоцентризм в языкe и речи. – СПб., 2003. – 335 с.
2. Арбатский Д. И. Толкование значений слов. Семантические определения / Дмитрий Иосифович Арбатский. – Ижевск : Удмуртия, 1977. – 100 с.
3. Дубичинский В. В. Теоретическая и практическая лексикография : [учебное пособие] / В. В. Дубичинский. – Вена ; Харьков, 1998. – 160 с.
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика : монография / Зинаида Даниловна Попова, Иосиф Абрамович Стернин. – М. ; АСТ : Восток – Запад, 2007. – 314 с.
5. Стернин И. А. Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкознания / Иосиф Абрамович Стернин ; [научный ред. З. Д. Попова]. – Воронеж : Истоки, 2008. – 596 с.

ЛЕКСИКОГРАФІЧНІ ДЖЕРЕЛА

NW – New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language. Lexicon Publications, Inc. – Danbury, CT, 1993.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТИПЫ НОВЫХ РЕАЛИЙ В СТИЛЕ ПРЕССЫ И ПУБЛИЦИСТИКИ НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

*Стаття присвячена поширеності вживання різноманітних граматичних засобів. Розглядаються особливості деяких анафоричних засобів зв'язку, зміна позиційності каузальних підрядних речень із сполучником *da*, частотність парцеляції другої частини сполучникового паратаксису, уживання анафоричних синтаксичних еліпсисів із прислівником *so*.*

Ключові слова: парцеляція, гіпотаксис, еліпсис, складнопідрядне речення.

*Статья посвящена распространенности употребления разноплановых грамматических средств в текстах прессы. Рассматриваются особенности некоторых анафорических средств связи, изменение позиционности каузальных придаточных с союзом *da*, частотность парцелляции второй части союзного гипотаксиса, употребление анафорических синтаксических эллипсисов с наречием *so*.*

Ключевые слова: парцелляция, гипотаксис, эллипсис, сложноподчиненное предложение.

The article deals with the prevalence of using different grammatical means in Newspaper style. Along with that some peculiarities of anaphoric means of connection, the Position change of causal subordinate clauses, parzelations frequency of the second part of conjunction parataxis, usage of anaphoric syntactical ellipses «so» are researched.

Keywords: parzelation, gipotacsis, ellipsis, complex sentence.

Постановка проблеми. Развитие и обогащение любого языка происходит постоянно. Тексты функционального стиля прессы и публицистики, оперативно отражая актуальнейшие проблемы разнообразных сфер жизни, отличаются распространенностью употребления грамматических явлений «нетрадиционного» характера. Под «нетрадиционностью» мы понимаем двойственный план: 1) употребление таких структур или позиционных особенностей, упоминание о которых либо отсутствует в грамматике, либо подается как «периферийное», нетипичное; 2) межъязыковую «миграцию», связанную со стилевым взаимопроникновением.

Обзор литературы. В немецкой традиционной теории принято выделять функциональный стиль прессы и публицистики, т. к. периодические издания содержат различные жанровые тексты: рекламные материалы, разнообразные анонсирования, аналитические и публицистические статьи, отражающие мнение редакции в целом и индивидуальные мысли авторов. Стиль прессы и публицистики наиболее оперативно пополняется новыми реалиями. Исследуются лексические неологизмы, большую часть которых составляют заимствования из английского языка. Грамматические же структуры как некий устоявшийся каркас не получают детального исследования. Проблематика статьи охватывает анализ разноплановых типичных грамматических явлений, получивших распространенность в стиле прессы и публицистики. В репрезентативных теоретических работах по германистике [1–3] они до сих пор не являлись предметом исследования.

Целью данной статьи и является исследование указанных выше явлений, получивших распространение в различных жанровых текстах стиля прессы и публицистики.

Изложение основного материала. Проблема рассмотрения синхронических «нетрадиционностей» касается следующих грамматических характеристик:

- 1) особенностей распространения и употребления в текстах прессы языковых структур, сопряженных ранее с научным и разговорным стилями;
- 2) позиционных изменений каузальных придаточных предложений с союзами *da* и *weil*;
- 3) распространенности парцелляции второй части союзных сложносочиненных предложений и их позиции в текстах;
- 4) эллиптических индексов косвенной речи с наречием *so*, их позиции и структуры.

В грамматических работах содержится исследование употребления артикля как замены имен существительного, а также форм *deren*, *dessen* в притяжательном значении как типичных для научного стиля анафорических средств связи [1–3]. Указывается также на возможность замены имен собственных формами *die* (Luise), *der* (Mario) в разговорном стиле. [1] Некоторые авторы указывали на «пренебрежительный» оттенок значения [1], который и в разговорном стиле ныне утратил его, сохранив лишь «указательную отсылочность» на лицо, которое имеют в виду коммуниканты.

В результате анализа текстов стиля прессы и публицистики установлено, что употребление артикля как анафорического индекса на преды-

дущее имя существительное, равно как и употребление анафорических *deren*, *dessen* в притяжательном значении, закрепились в публицистических текстах и интервью, например: *Staranwalt Toma Fila, der anfangs auch Anwalt von Stanisc war, bestätigt dessen Kontakte zum US-Geheimdienst. Die seien aber «keine Sensation», sagt der Jurist...* («Der Spiegel», № 11, 09.03.09, S. 105).

Если в данном случае подобное двойное употребление можно объяснить тематикой юриспруденции, что несколько согласуется с научной тематикой приведенного отрезка текста, то в следующих употреблениях имеем дело с нейтральным контекстом:

1. *Am 17. März 1959 floh Dalai Lama Pachtung Indiens, nachdem Tausende seiner Anhänger gegen die chinesische Armee rebelliert hatten. Die schlug den Aufstand blutig nieder* («Der Spiegel», № 5, 26.1.09, S. 63).

2. *So ein Autosalon ist vor allem Schow. Und die beherrscht Zetsche ...* («Der Spiegel», № 50, 08.12.08, S. 111).

Заменяем в примере 2 *die* на *sie*: *So ein Autosalon ist Schow. Und sie beherrscht Zetsche ...*

Несомненно, что при такой замене репрезентация имени существительного личным местоимением *sie* придает повествованию обычный характер как типичный случай репрезентации частного характера. Употребление же артиклевой замены существительного усиливает степень анафорической соотнесенности, что при чтении характеризуется и усилением логического ударения, являясь темой, выражает большую степень сцепления с ремой предыдущего предложения. Приведем примеры на употребление *deren*, *dessen* в притяжательном значении:

1. *So hieß das Gremium, das unser Grundgesetz erarbeitet hat. In dessen Protokollen findet sich der Anfangsverdacht bestätigt* («Der Spiegel», № 7, 11.10.08, S. 54).

2. *Chacons Vorgänger warben deshalb verstärkt Ausländer an, besonders aus Lateinamerika, und erhöhten deren Quote auf zuletzt neun Prozent* («Der Spiegel», № 41, 19.1.09, S. 72).

Для второго примера характерна несколько дистантная позиция *deren*. Кроме того, замена местоимением *sie* могла бы вызвать и запутанную неопределенность соотнесенности местоимения *sie* с существительными *Vorgänger* и *Ausländer*. Следовательно, в данном случае констатируем императивную необходимость употребления *deren* как замену существительного *Ausländer* с пояснением *besonders aus Lateinamerika*. *Deren* как анафорическое средство связи соотносится с сочетанием слов, уточненным наличием оппозиции.

Приведем еще пример, в котором употребление *deren* гарантирует однозначную анафорическую соотнесенность: *Auf der Grünen Woche wird die Deutsche Landwirtschaftsgesellschaft, eine Art Propagandaabteilung der Industrie, einen anderen Ton anschlagen. Deren Präsident wird Produktivitätssteigerung fordern...* («Der Spiegel», № 12, 16.3.09, S. 63). Однозначность анафорической идентификации к подлежащему осложненной структуры достигается и семантикой имени существительного *Präsident*.

Позиция предложений с употреблением *deren* (*dessen*) в притяжательном значении может быть самой различной в текстах, включая первое предложение статьи: *Halali im Revier Spitzenmanager des Münchner Siemens – Konzerns und deren Geschäftspartner müssen künftig auf ein exklusives Privileg verzichten – die Rotwildjagd im firmeneigenen Revier* («Die Zeit», № 23, 28.05.09, S. 37).

Завершая этот раздел статьи, следует подчеркнуть, что обсужденные употребления отличаются также большей официальностью по сравнению с личными и притяжательными местоимениями.

Употребление бессоюзных придаточных условия традиционно связывается с научным стилем, а сопряженность временного и условного значений – с разговорным стилем: *Rufst du mich an, (so) erzähle ich dir was Interessantes.*

Проведенный анализ выявил, что текстам прессы не чуждо употребление бессоюзных условных и без коррелята *so*, которое можно пока назвать лишь тенденцией: *Bekäme der Patient zwei Geräte, sollten etwa 110 Euro fällig werden* («Die Zeit», № 27, 25.06.09, S. 22). *Ginge es nach dem Willen der Regierung, müsste es eigentlich viel mehr Hauseigentümer vom Schlage Kohlers geben (ebenda).*

При этом было замечено, что бессоюзные условные содержат конъюнктив и обладают объективной модальностью с оттенком потенциально возможного условия. Дальнейшие исследования текстов прессы либо подтвердят, либо опровергнут необходимость значения нерелятивного условия для опущения союза *wenn*. Бессоюзная структура условного гипотаксиса представляется для текстов прессы более удобной для читателей.

Изменение позиции каузальных придаточных с союзом *weil*, их параллельное употребление, как в постпозиции, так и в препозиции и изменение коммуникативной направленности в гипотаксисе подробно рассматривались нами в работе [4]. Дальнейшие исследования покажут изменения коммуникативной значимости каузальных придаточных с союзом *weil* в препозиции.

Материал обнаруживает двойное следование каузальных придаточных с *weil* в препозиции с изменением коммуникативной перспективы: ... *Weil aber auch die Kunden Konten räumten, hat ten die Banken noch weniger Kapital. Weil alle Kursen sanken, versuchten Geldinstitute ihre Anlagen zu reduzieren* («Der Spiegel», № 5, 26.1.09, S. 17). Употребление второго придаточного с союзом *weil* в препозиции в начале абзаца регламентирует двойную коммуникативную направленность: анафорическую связь с первым предложением и катафорическую нагрузку всего последующего абзаца.

Кроме того, в интервью [4, с. 43] наблюдается употребление «абсолютизированного» придаточного с союзом *weil*, что свойственно также и рекламным текстам, например:

Entdecke den Opel Insignia.

Das Auto, weil das vorausdenkt.

Исследования дополнялись регистрацией постпозиции каузального придаточного с союзом *da*, что в известной мере противоречит грамматической традиции: *Ihre ständige Betonung der «zwei Gesichter» Merckles ist unerträglich, da Sie offensichtlich der Meinung sind, die Fehler hatten sämtliche Verdienste gemacht* («Der Spiegel», № 30, 23.7.09, S. 8). *Ich soll sie am Sonntagabend um 21 Uhr anrufen, da sie tagsüber unterwegs ist* («Zeit-Magazin», № 23, 28.5.2009, S. 27).

Придаточные с союзом *da*, расположенные после запятой, традиционно соотносятся с именем существительным и всегда выполняют атрибутивную функцию придаточного с темпоральным значением. Получит ли постпозитивное употребление каузальных придаточных с союзом *da* дальнейшее распространение, покажут продолжающиеся исследования.

Третий тезис, заявленный в статье, касается парцелляции второй части сложносочиненных предложений с различными союзами и союзными словами. Намеренный разрыв единой синтаксической структуры сложносочиненных предложений имеет цель не только «абсолютизировать» его вторую часть, но и усилить ее коммуникативную значимость.

Кроме того, если читатель лишь просматривает статью, то, увидев «оторванную» часть сложносочиненного предложения, скорее всего, захочет понять обстоятельства причинной, адверсативной и других связей. По этой причине разрыв структуры сложносочиненных предложений очень часто наблюдается в начале абзаца, обладая высокой степенью двойной коммуникативной нагрузки, выполняя соответственно одновременно анафорически-катафорическую функцию межабзацной связи. Чаще всего встре-

чается парцелляция причины с союзом *denn* в начале абзацев: *Denn gleich nebenan im beschaulichen Zillertal betreibt der Stahlkonzern Thyssen Krupp ein immer noch deutlich größeres Jagdrevier ...* («Der Spiegel», № 4, 09.01.09, S. 15); *Denn dort verschliefen die Bosse lange die Einführung von Online – Angeboten ...* («Deutschland», № 2, April/Mai 2009, S. 64).

Позиционно структурная абсолютизация причинной части сложносочиненного предложения с союзом *denn* имеет распространенность и в середине текстов, при этом линейная протяженность первой части зачастую не является причиной, а подобное употребление связано лишь с желанием авторов выделить каузальную коммуникативную значимость: ... *Ein Irrglaube, wie groß angelegte Studien zeigen. Denn Antibiotika verkürzen nachweislich nicht die Krankheitsdauer bei Atemwegsinfekten ...* («Der Spiegel», № 11, 09.03.09, S. 72).

Следует обратить внимание на парцелляцию с такими союзными словами противительного, следственного, альтернативного и присоединительного значения, как *doch (jedoch), deshalb, aber, und, außerdem, zudem, oder*: *Es war genau der Fall, für den die Beamten trainiert haben. Aber in Berlin klappte nichts. Und auch das stille Entschieden blieb ein bloßer Wunsch...* («Deutschland», № 2, 2009, S. 35).

Даже двойные союзы *zwar ... doch ...* могут употребляться абсолютизировано: *Zwar weist der Deutsche Mieterbund darauf hin, dass es schon heute möglich sei, elf Prozent der Kosten auf die Kaltmiete umzulegen. Doch die Hausbesitzer-Lobby klagt, dies scheitere meist an rechtlichen Unklarheiten ...* («Der Spiegel», № 11, 09.03.09, S. 36).

Рассмотрим подробнее четвертый тезис. Совершим краткий экскурс в историю употребления синтаксического анафорического средства связи с вводным наречием *so* в контексте косвенной речи: в 2000–2003 гг. употреблялись структурные эллипсисы, отсылающие или к конкретному изданию: *so der Spiegel, so die FAZ, so «die Zeit»* и др., или к репрезентации имени собственного путем называния должности или рода занятий *Merkel ..., so die Bundeskanzlerin, Urwi ..., so der Boxer* и др.

В изданиях прессы последних лет наблюдается как значительное позиционное отстояние названных структур от лица, так и иное семантическое наполнение таких анафорических синтаксических эллипсисов, отсылающих к автору соответствующих высказываний. Например, в начале абзаца названо лицо, Verlegersohn Konstantin Never Du-Mont, слова которого будут приведены в конце абзаца: *«Wer weiß schon, was ein Regionalverlag in drei, vier Jahren allein noch*

wert ist», *so der Junior jüngst*) («Der Spiegel», № 50, 08.12.08, S. 72).

Не всегда употребление эллиптических структур с *so* связано с косвенной речью: *Wer der einen Vorgang versteht, so die Hoffnung der Forschere, der wird auch begreifen können ...* («Die Zeit», № 27, 25.06.09, S. 13).

Употребление абстрактного имени существительного *die Hoffnung* в эллиптической структуре и в срединной позиции обладает особой двойной коммуникативной нагрузкой. Абстрактное существительное *Hoffnung* может употребляться в структуре с *so* и без дополнительного пояснения (притяжательного местоимения или атрибута в генитиве): ... *Und irgendwann, so die Hoffnung, würde ihm ein Telefonunternehmen viel Geld bieten, um die Adressen zu kaufen.* («Der Spiegel», 2008).

Принадлежность чувства надежды к определенному лицу раскрывается предыдущим контекстом и последующим местоимением *ihm*. Анафорически-катафорическая связь обнаруживается с удивительной силой с помощью вводно-отсылочного синтаксического эллипсиса с адвербом *so* и абстрактного существительного.

Отстояние подобных структур от высказывающего лица может быть линейно удаленным даже на два абзаца: например, первый абзац начинается с названия лица *Hoffmann*, далее следует линейно протяженное описание его действий с заменой на личное местоимение *er*. Следующий абзац содержит продолжение описаний позиций названного лица с помощью той же репрезентации личным местоимением *er*. Приводим третий по счету абзац:

Das neue Gremium, so seine Befürchtung konnte unberechenbar für ihn werden («Der Spiegel», № 4, 09.01.09, S. 93).

Чтобы читателю выяснить, о чем опасении идет речь, ему необходимо вернуться на два абзаца выше. Употребление дистантно удаленных анафорических средств синтаксического характера с *so* должно вызвать у читателя интерес узнать первопричину опасения конкретного лица, прочитав выше ту часть текста, которая его идентифицирует, но читатель пропустил этот раздел, просто просматривая данную статью.

Приведем еще один пример замыкающей позиции синтаксического эллипсиса с *so*: *Die Jagd sei Teil des weltgrößten Ausrottungsprogramms für eingeschleppte Säugetiere mit dem Ziel, «den Einfluss solcher Arten auf die Biodiversität ungeschehen zu machen», so die Forscher* («Die Zeit», 2008).

Параллельно, но, как показали исследования, реже употребляются полные синтаксические структуры с *so* в различных позициях

предложения: серединой и замыкающей. При этом большой распространенностью отличается глагол речи *urteilen* (вместо *meinen, sagen*), а также глагол *raten*. Например, в срединной позиции: *so rät der Ökonom*, а в завершающей статью позиции: *urteilt die Berliner Bestseller – Autorin Julia Franck*.

Der THW Kiev, so haben es die Zeitungen berichtet, soll seit Jahren Schiedsrichter bei Spielen der Champions League gekauft haben («Der Spiegel», № 30, 23.07.007, S. 53).

Абстрактные имена существительные, производные от глаголов, выражают чувства персонажей в предыдущих высказываниях (части высказываний): *so die Befürchtung, so der Zweifel, so die Hoffnung* и др.

Выводы. Анализ текстов немецкой прессы и публицистики выявил новые тенденции, представляющие интерес для исследователей.

1. Характерное ранее для научного стиля употребление *deren (dessen)* как замены имени существительного получило в текстах прессы широкое распространение и в притяжательном значении, а также усиленную анафорически-катафорическую функцию. Намечалась также тенденция употребления бессоюзных условных предложений без коррелята *so* в глагольном предложении и *so* значением потенциальной возможности, выраженной претеритом конъюнктивом или кондиционалисом I.

2. Расширяется препозитивное употребление каузальных придаточных с союзом *weil* и намечалась тенденция постпозиции придаточного причины с союзом *da*.

3. Языковой нормой становится парцелляция второй части союзного сложносочиненного предложения с союзами *denn, doch, und, aber* и др.

4. Анафорический синтаксический эллипсис с наречием *so* употребляется в различных позициях в предложении и в тексте и получил новое семантическое наполнение за счет употребления абстрактных имен существительных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Schendels E. I. Deutsche Grammatik (Morphologie, Syntax, Text) / E. I. Schendels. – М. : Высшая школа, 1979. – 398 S.
2. Helbig G. Deutsche Grammatik / G. Helbig, J. Buscha. – Leipzig, 1971. – 654 S.
3. Der Duden in 12 Bänden. Bd. 4. Grammatik. – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zurich : Dudenverlag, 1998. – 912 S.
4. Попова С. Н. Грамматические особенности каузальных отношений в функциональном стиле прессы и публицистики немецкого языка / С. Н. Попова // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Выпуск 13. – Симферополь : НИЦ КИПУ, 2008. – С. 42–44.